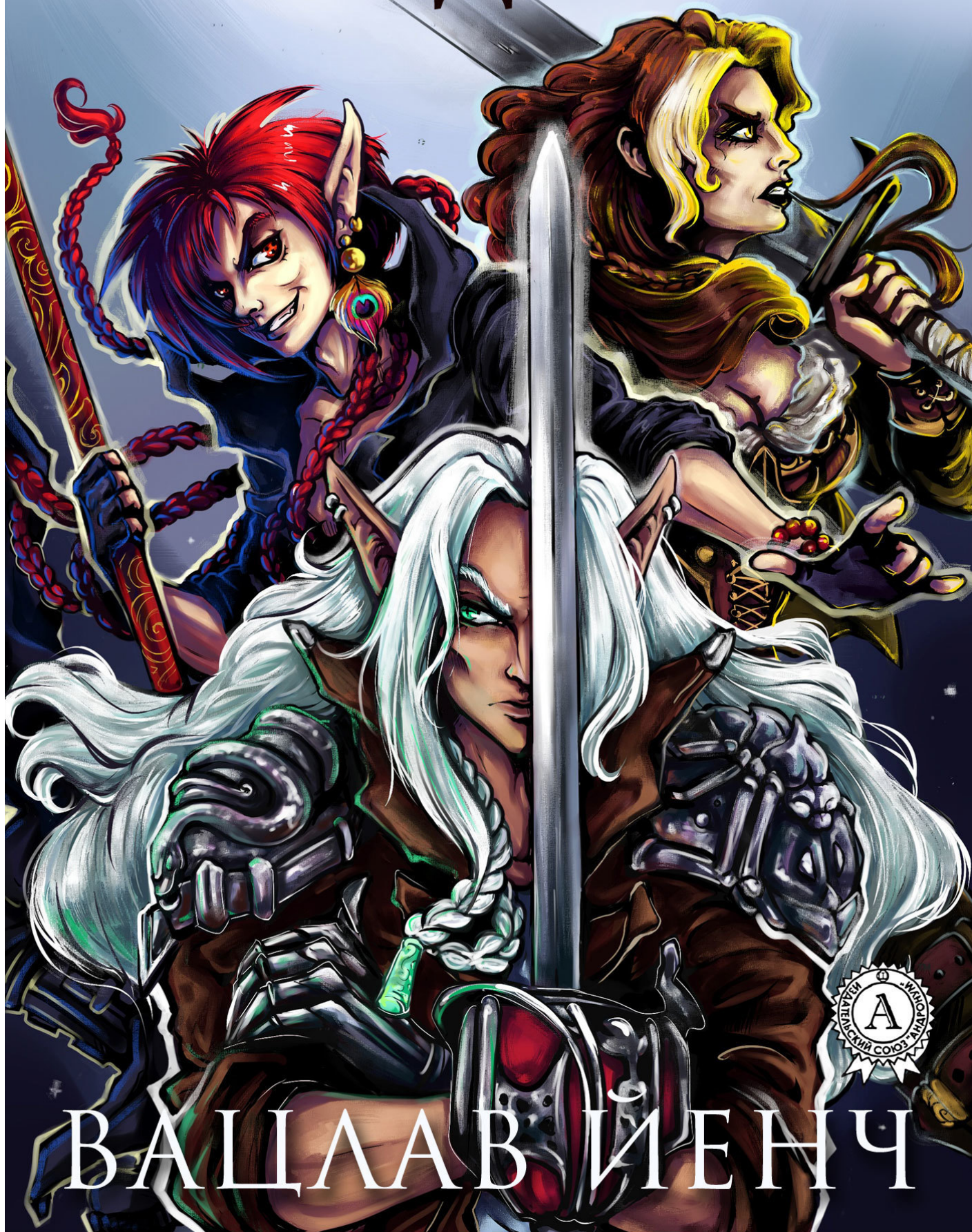

ЭГРЕГОР ПОСЛЕДНИЙ ИНДЕКС

ВАЦЛАВ ИЕНЧ

Вацлав Йенч

Эгрегор. Последний Индекс

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Йенч В.

Эгрегор. Последний Индекс / В. Йенч — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715483-6

Есть такая профессия: ликвидация зарвавшихся героев. Что поделаться?
Времена такие пошли на Материке. Совсем эта братия от рук отбилась. Некая
организация, ЭРА, на которую сильными мира сего были возложены функции
по регулировке деятельности «героев и злодеев», посылает двоих палачей
вдогонку за талантливый магом, который, якобы, вывел формулу нового
индекса гомункулов. Данный факт был строго засекречен и даже исполнители
не знали, что им предстояло изъять. А изъять им предстояло то, что могло
поставить их собственный индекс на грань уничтожения, ведь прогресс не
стоит на месте, и старое должно уступать место новому, пусть даже старое -
это они, гомункулы, живое и мыслящее оружие. Пресловутый прогресс сыграл
со своими апологетами в лице алхимиков и магов злую шутку, так как их
детища уже достигли того уровня сознания, когда не желают добровольно
отправиться на свалку истории. Когда они хотят остаться воистину Последним
Индексом!

ISBN 978-0-88-715483-6

© Йенч В.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть 1	5
Пролог	5
Глава 1	16
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Вацлав Йенч

ЭГРЕГОР

Последний Индекс

Часть 1

Квир – не подразумевает никаких конкретных, специфических черт. Это идентичность, лишённая сущности, которая по определению расходится со всем нормальным, легитимным, господствующим.

И. С. Кон

Пролог

Овальный паром не спеша плыл по воздуху над Покинутым Морем. Он направлялся в сторону помпезно величаемого на Материке «Края Мира». В лучах заходящего солнца играли огнем начищенные поручни и бортики этого вытянутого, невероятного размера диска из металла и дерева. Паром неспешно продвигался вдоль мерцающей чародейской цепи, застывшей в воздухе золотистыми звеньями. Его движение сопровождалось магическим эхом, полным гулких и растянутых звуков, среди которых с большим трудом, но можно было различить лязг и скрежетание анкерных колёс и шестеренок, скрытых в чреве этой, поистине циклопической, конструкции.

Паром был словно сервировочный столик, который уверенно двигался в сторону горизонта. И столик этот далеко не пустовал. Помимо манаварни, что всегда в таких конструкциях занимала центральное место и напоминала эдакую вазу с фруктами, за кои, кстати говоря, можно было бы счесть обломки плавающих в ней кристаллических стержней, мерцавших тусклым, фиолетовым светом. Так вот, не считая этого устройства, без которого не то что движение, даже нахождение парома в воздухе было бы невозможно, на борту присутствовали во множестве и многообразии сословий те, ради кого, собственно, и устраивались эти многочасовые полеты над бездной вод давно погибшего моря. Хотя такое утверждение слишком явно нагоняло тоску, прибавляя драматизма, и понравилось бы больше той половине присутствующих на пароме, которых можно было отнести к *консерваторам* того, весьма неоднозначного, периода истории. И, если они относились к магическому катаклизму, повлекшему столь ужасную катастрофу – гибель всего живого в данном море, – критически, даже непримиримо, то вторая половина присутствующих имела совсем иные взгляды. Они видели в магии такого масштаба неустанный двигатель, неумолимо крутивший шестерни в часах уходящей эпохи, приближая будущее, а, вместе с ним, всё новые и новые свершения. Не могло же движение его величества Прогресса, обутого в поистине семимильные сапоги после образования *Совета Восьми*¹ и консолидации магии и алхимии, обходиться без издержек? А, если вспомнить, сколько досадных недоразумений позднее оказались важнейшими открытиями, стоило *прогрессистам* приложить к ним руку, то дело и вовсе было в шляпе!

Да, вторую половину публики, собравшейся на пароме и готовой с изумлением взирать на одну из самых больших тайн мироздания – край мира всё-таки, – называли прогрессистами. В

¹ Объединенный совет восьми орденов стихийной магии.

сущности, консерваторы это слово придумали исключительно из презрительных соображений, но оно на удивление хорошо прижилось у оппонентов.

Переходя же к чисто визуальным различиям можно было с уверенностью сказать, что они оказывались так же значительны, как социальные, культурные и, да простят оба лагеря за пошлость, политические. Разнилось многое: от пошива платья, украшений у дам и парадного оружия у мужчин, до манеры говорить и вести себя в обществе. В частности, лексика прогрессистов была напичкана новомодными словечками настолько, что, представив вместилищем её, скажем, сарай, можно было бы сказать «до потолка». В общем, по мнению консерваторов, от этих типов редко когда стоило ждать чего-нибудь хорошего, а уж услышать что-нибудь стоящее и подавно.

– Я задолбался! За-дол-бал-ся!!! – хлопнул ладонью по поручню, обращаясь к своему собеседнику, худой, сутулый пассажир. Его голос, истеричный, надрывный тенор с резкими кричащими верхами явно пришелся не по вкусу пожилой паре консерваторов, стоящих по соседству и всецело поглощенных созерцанием «Края Мира». Этого таинственного барьера из стены облаков, отделившего Материк от всего остального мироздания. Барьер как раз возник на горизонте, как возникал там всегда, если к нему приблизиться на расстояние в пару морских миль. Он поднимался буквально из ниоткуда перед глазами изумленных мореходов и недружелюбно сверкал молниями у подножия. Охотников проверить, что же именно могло ожидать по ту сторону, как ни странно, находилось крайне мало. Не говоря уже о том, что никто из дерзнувших так и не вернулся.

Пожилой консерватор нахмурился, одарив сутулого возмущенным взглядом, но тот не заметил, обращаясь к собеседнику в прежней манере:

– Где этот старый бздун?! Подать его сюда тепленького!

– Не ерепенься, всему свое время. Мы столько ждали, так подождем еще немного, – рассудительно ответил собеседник баритоном, который можно было бы назвать драматическим, при этом звучащим достаточно глубоко и насыщенно.

– Господа... – начал было пожилой мужчина, несмотря на попытки жены удержать его, как вдруг сам осекся. Сутулый повернулся к нему и встретил скандальным взглядом красных, как у крысы, глаз, каждый из которых обладал симметрично расположенными в нем сразу тремя зрачками. Мужчина перевел взгляд на второго, который склонился в сторону, облокотившись на поручни, и выглядел из-за спины первого, – крупные изумрудные глаза с крестовидными зрачками! Это были гомункулы! Причем радикальные модники того сорта прогрессистов, чьи костюмы и сложные прически, помимо отсутствия швов у первых и шпилек у вторых, были просты напичканы магией. Не говоря уже о самом покрое одежды, а также цвете волос и форме причесок. Например, тот, кто скрывался за спиной сутулого, хоть и имел длинные и белые, как снег, локоны, но они не мешались обладателю. Пусть даже смещенный к левому уху пробор оставлял им такую возможность. Лишь там, у левого уха, волосы гомункула были сплетены в две косы: одна шла у виска, а вторая скрывалась за ушной раковиной. Обе на концах были схвачены в серебряные цилиндры с инкрустациями и вкраплениями бирюзы.

Приятель же белобрысого являл собой редкостный образец завсегдатая магических парикмахерских Сильвании. Известное дело, эльфам палец в рот не клади, какого угодно мэтра за пояс заткнут. Волосы сутулого были подстрижены коротко и имели потрясающий рубиновый цвет, в то же время хаотично выстриженными прядями создавали ощущение, будто и впрямь вырезаны из этого драгоценного камня. Между тем, в их гуще были сплетены несколько неимоверно узких и длинных кос, достигающих до середины спины и вразнобой украшенные по всей длине толстыми кольцами и нитями из чистого золота.

– Чего уставился? – тонкие губы сутулого скривились в очень неприятной усмешке.

Мужчина знал, зачем создавали таких. Поэтому его рука осталась лежать на эфесе шпаги, даже не порываясь в негодовании вцепиться пальцами в рукоять, как в каком-нибудь романе.

Это они только с виду такие холеные и невозмутимые, с тонкими, иной раз женственными чертами мягких лиц, но всякий на Материке знал, что скрывалось за экзотичной внешностью этих созданий. Бледное лицо сутулого, с которого горели ни на что не похожие, красные, будто у крысы, глаза, оставалось холодным. За его плечом – тоже гомункул, смуглый или, скорее, загорелый. Походило на то, что загар был получен естественным путем, во время поездки за море, а не в салоне иллюзионистов. Только вот чёрта с два мужчина поверил бы, что синева, которой отдавали белые локоны, тоже осталась от палящего солнца южных островов! И тем паче не собирался поддаваться на напускную меланхолию изумрудных буркал, которыми на него сейчас пялились, то и дело расширяя крестовидные зрачки в чернеющие, ромбовидные дыры. Им обоим просто было скучно. Они хотели развлечься. При это не важно каким способом.

Скучать на столь дорогостоящем мероприятии? Хотя, чего уж там, судя по длинному плащу сутулого, с воротником-стойкой и широкими рукавами швигебургского кроя, тот не бедствовал. Швигебург – столица гномов, и одежду на человека или эльфа там изготавливали лишь под заказ по специальным меркам и лекалам. Не говоря уже о шкуре почти истребленного черного василиска, пошедшей на плащ, перчатки и сапоги этого франта. Так разодеться можно было лишь обладая сундуком, доверху набитым золотом. А откуда такие деньги, спрашивается, могут быть у гомункула? Ниоткуда. Только если он не один из палачей ЭРА. При этом далеко не рядовой кат, колесящий по дорогам от одного мелкого поручения к другому.

Белобрысый тоже был не так прост. Короткая куртка из дорогой буйволиной кожи с бахромой, стянутая небрежной односторонней шнуровкой на груди, не скрывала того, что он был препоясан ларонийским горским палахом. Белые эльфы² славились своим оружием, особенно офицерским, и никогда не делали его без соответствующего зачарования. На ларонийца, пусть тоже беловолосый, гомункул не походил. Следовательно, клинок был ему подарен. «Беляки» редко кому продавали свое оружие. Стало быть, по системе халфлингов, мощность чар составляла не ниже девяноста единиц. На меньшее эльфы просто не стали бы размениваться. Значит, оружие класса Цади, согласно алфавитной калибровке³ Истании. Если не Реш. А уж оружие класса Реш – совсем серьезный разговор. Оно оказывалось вдвое мощнее дозволенного к ношению самым выдающимся героям Материка. Шутка ли? Двести единиц!

– Прошу прощения, господа. Похоже, я обознался, – мужчина отвесил учтивый поклон, тем самым резюмируя сделанные им выводы, которые пришлось дольше описывать, нежели просчитывать в уме. – Честь имею!

Гомункулы ответили кивками и разочарованно проводили сбежавшую от них жертву взглядами детей, которых подразнили сладостями, но так и не угостили. Однако долго скучать парочке не пришлось. Как на грех в этот вечер на пароме должно было произойти событие, которое непременно вызвало бы у обоих живейший интерес. По крайней мере, если судить об их пристрастиях из уже имеющихся, пусть пока скудных, но сведений.

Дело в том, что экскурсии на край мира служили не только способом развеяться для скучающих родовитых особ, досугом для высоколобых снобов из академий и поистине медитативной прогулкой для магов из какого-нибудь ордена, но и прекрасным способом покончить с бранным существованием для самоубийц. Поди плохо? Ступить за край бытия при всем честном собрании, предварительно громко толкнув напыщенную речь если не о тщете всего сущего, то уж изобличая какого-нибудь очередного тирана точно.

² *Белые эльфы* («ларонийцы», «беляки») – потомки Ларонидов, династии эльфов-альбиносов, выходцев из народа лесных эльфов. Обитатели северных областей нынешней Сильвании, они подверглись мутации малоизученного источника – Подземных Озер, что определило их облик: белоснежные волосы и фиолетовые глаза. Создатели первой империи эльфов, они лишились своего могущества во время войны с Союзом Пяти Королевств и вынуждены были переселиться на север Материка, где образовали королевство Ларон. (глоссарий «Эгрегор»)

³ мощность наложенных на оружие или доспехи чар имела числовое выражение и обозначалась буквами алфавита халфлингов (прим. автора)

По правде сказать, в те времена власть имущие, как говаривали мастеровые в Шви-гебурге, «закручивали гайки» так, что чуть не срывали резьбу народного терпения. Либо же, что было не менее популярно, предсмертный оратор начинал поливать грязью чародейскую аристократию. Впрочем, ей, аристократии, было не привыкать. Поэтому, даже если бы на пароме и затесался молодой адепт или чародей-практикант, то едва ли стал бы ввязываться в полемику, а предпочел, скорее всего, навести на себя заклятие временной глухоты. На зависть всем остальным, кто вынужден был слушать всю околесину, имея в запасе лишь сомнительную альтернативу броситься вниз самому.

Многие, очевидно, хотели бы знать, а почему не направить, скажем, заклятие *temporaria torpor*⁴ на неугомонного балабола? При всей резонности данного предложения, увы, не стоило забывать, что паром имел в основе своего полета магическую структуру. Манаварни были делом новым для Материка и отличались нестабильностью, если в работу вмешивалась посторонняя магия. Началось всё с нескольких прецедентов в прошлом, когда только-только становилась популярной индивидуальная телепатическая связь. Магическая братия, надо признать, ей сильно злоупотребляла, что приводило к печальным следствиям – далеко не одна овальная груда железа и дерева рухнула в море или пропасть. Утешением служило лишь то, что, после сбоя, манаварни взрывались, и пассажиры не успевали толком понять, что происходит.

– Ядрёна вошь! – с сердцем высказался сутулый. – Аир, ты только глянь! Сегодня целых три суицидника!

– Вот им неймётся, – проворчал беловолосый, – может, подпугнешь? А, Фобия? Как ты умеешь. Дай им просратья хорошенько, вдруг передумают? Юнцы ж совсем. Молоко на губах не обсохло.

– Какое молоко? – лукаво скосил красные глаза гомункул. – Даже не вздумай лишать меня такого развлечения! А «просратья» я им дам, будь покоен. Пойдем же ближе, чтобы ничего не пропустить!

Аир нехотя поплёлся следом, задирая от ветра воротник и заодно поправляя два декоративных наплечника из матового металла. На одном было выбито изображение паука-птицееда, а на другом – болотной гадюки.

Трое самоубийц действительно готовились совершить короткий полет в вечность. Со всей pompой, у самого края мира, словно другого места для этого не нашлось. Беря начало с одного неудачного признания в любви, вылившегося в трагедию: отверженный в итоге спрыгнул вниз на глазах предмета своего обожания, который, в свою очередь, не преминул грохнуться в глубокий обморок, – данный поступок породил весьма своеобразную традицию. Некоторые цинично напоминали, что зачинатель пагубного развлечения сам улетел вниз не проронив ни слова, и в этом суицидально настроенным личностям следовало бы брать с него пример. А совсем хорошо: соблюсти, наконец, приличия, и не заставлять остальных быть свидетелями такого зрелища. Раз так приспичило, неужели нельзя убить себя ночью, когда на пароме никого нет?

Однако, походило на то, что трое молодых людей не собирались внять здравому смыслу. Первый из них, прогрессист, набирал побольше воздуха, дабы разразиться бурной речью. Надо сказать, с полдесятка голов уже повернулось в его сторону. Даже несколько бровей поднялись в изумлении того рода, когда еще неуместно воскликнуть в голос: «Как?! Опять?!» Ведь снова кто-то решил покончить с собой, и это не повод для насмешек и возмущения. Тем не менее, надежда жила в сердцах зрителей. И многие из них, если не все, тайно уповали, что явится спаситель, который либо отговорит троицу от этого «падения» во всех смыслах, либо же поможет им в этом деле и ускорит процесс, самолично вышвырнув за борт.

⁴ (лат.)временная немота

– Опа-опа-опа! – ворвался в скорбный финал человеческого отчаяния Фобия, откровенно напугав всех присутствующих.

– Что я вижу?! – картинно раскинул руки гомункул. В левой он сжимал нечто, что напоминало короткую, слишком толстую трость с инкрустациями, но без оголовья.

– Вот это так сюрприз, дамочки и господишки! – еще громче гаркнул Фобия, подскочив к крайнему самоубийце, по виду консерватору. – Эти трое собираются на наших глазах покинуть сей бренный мир. Так что же мы? Так и будем стоять и пялиться, пропуская мимо ушей полные горечи слова?! Нет! Я требую всеобщего живейшего участия!

Один из зрителей, стоявший ближе, дородный бородатый купец в не по сезону теплом кафтане, открыл было рот, чтобы высказаться в адрес беспардонного гомункула. Однако эта инициатива была мгновенно пресечена ударом трости, ощутимо пришедшемся на левое плечо толстяка:

– А ты помалкивай, жиробас! – резанул по ушам тенор Фобии. – Нынче их время говорить!

Трость, словно жезл придворного шута, крутанулась в пальцах гомункула, когда тот ловко повернулся на каблуках и упер ее основание в подбородок первого самоубийцы:

– Излагай же! Мы все застыли в нетерпении. Ну?!

– Ах ты дрищ! – вскипел купец, замахиваясь перначом.

Аир неожиданно возник перед толстяком, проворно ухватил того за бороду, дернул вниз и отвесил тычка. После чего встал перед пассажирами, сложив руки на груди и одарив их ледяной ухмылкой. Те покосились на бездыханное тело купца, особенно на его челюсть, которую заметно своротило на сторону, и попятились.

Капелька пота скатилась со лба припертого к перилам консерватора-самоубийцы и упала на брыжи великолепного, пусть и немного потертого, камзола:

– Я... я... Не могу пережить позора.

– О-о! – протянул Фобия, картинно склонив голову на бок. – Что же стряслось, мой беденький дворянчик?

– Невеста, обещанная мне... – консерватор запнулся. – Отдана другому, потому что тот богаче. Хоть и гораздо старше ее!

– Твоя дражайшая маменька еще не надрала тебе уши за то, что ты являешься великовозрастным слюнтяем? – бросил через плечо Аир. – Вызови этого старпёра на дуэль, понадейся в нем дырок и делу конец.

Фобия активно закивал, состроив крайне озадаченное выражение.

– Я не смею.

– Он знатен? – безразлично уточнил беловолосый.

– Нет, едва ли.

– Искусный фехтовальщик?

– Калека с войны.

– Так в чем же дело?

– Я опасаюсь...

Фобия воззрился на самоубийцу, запрокинув голову назад. Напоказ задыхаясь, словно подбирая слова, он вдруг истерично выпалил с интонацией провинциального трагика:

– А! Ничтожество!!! – рука с тростью надавила на горло, и юноша с истошным воплем перевалился за перила.

– Что вы себе позволяете?! – возмутился немолодой полуэльф, протолкавшись через зрителей. Его седая голова была увенчана бордовым беретом силванийской гвардии с павлиньим пером. Вслед за фразой волной поднялся гул возмущения. Аир шагнул навстречу. Гул заметно поутих. Улучив момент, когда обладатель бордового берета не на шутку горячо схватился за рукоять кавалерийской сабли, беловолосый ловко выхватил из ножен на пояснице изящный

кинжал и направил кончик в грудь полуэльфа. Тот остановился, но не потерял решимости, многозначительно заиграв желваками. После этого, как по команде, из толпы выдвинулось подкрепление. Двое, гораздо моложе, в таких же беретах и легких кирасах. Руки гвардейцев в перчатках с широким раструбом легли на оголовья клинков в ножнах. Гомункул не шелохнулся. Состроив скептическое выражение лица, Аир надавил на пластину в рукоятке, и кинжал, который оказался на поверку дагой шпринг-клинге, раскрылся еще на два клинка, влево и вправо от основного.

– Вы слишком горячитесь, лейтенант, – вкрадчиво произнес гомункул, поигрывая лезвием на камзоле. – Должно быть, вам жарко? И не мудрено, вы же застегнулись на все эти чертовы пуговицы.

Неуловимым движением кончик лезвия срезал верхнюю. Подхватив её рукой, Аир услужливо ослабил ворот полуэльфа. Тот хмыкнул и требовательно протянул ладонь. Гомункул отдал пуговицу, и бордовые береты вернулись к зрителям.

– Почтеннейшая публика! – вновь раскинул руки Фобия. – Мы продолжаем! Ведь остались еще два злосчастных вестника нашей эпохи горя и несправедливости! Выслушаем же их! Готов побиться об заклад, будет не менее удручающе!

Краем глаза Аир заметил, что с одного конца трости стекала струйка крови. Беловолосый цокнул языком. Если Фобии пришлось помочь первому из дворян перевалиться за борт, значит всё было не столь уж безнадежно.

– Ерничай же, искусственная тварь! – вдруг выпалил один из самоубийц, тот самый прогрессист, который собирался толкнуть речь прежде, чем двое гомункулов вмешались. – Ведь это из-за вас мы сегодня здесь!

– Ась? – Фобия медленно развернулся, поднося ладонь к уху, словно ослышался. – Опля! Это ново. Продолжай!

– Мне не нужно позволение какого-то *квира*,⁵ чтобы говорить всё, что я считаю нужным!

– Прелестно! – издевательски промурлыкал гомункул, откидывая рубиновую косу за плечо и опираясь в поддельном умилении щекой на ладонь. – Пой же, птичка.

– Весь ваш гнусный род извратил вековые устои. Вы – наемные убийцы на поводу у магов. Во что вы превратили Материк?!

– Мы?! – неподдельно изумился Аир, что с ним, надо признать, случалось редко.

– Да! Вы!!! – не унимался самоубийца, словно ощутив, как на его плечах вырастает курорская мантия. – Отчего, по-вашему, тот, кто стоял от меня по правую руку, был доведен до такого отчаяния? Так вам и этого было мало. Не оставили в покое даже на грани!

– Оступившегося подтолкни? – развел руками беловолосый с таким видом, будто его заставляли объяснять очевиднейшие вещи.

– Всё у вас просто, – презрительно фыркнул самоубийца. – Посмотрел бы я, как вы...

– Молодой человек! – неожиданно громко оборвал полуэльф в бордовом берете, между делом рассматривая отрезанную пуговицу. – Мне доводилось биться с квирами плечом к плечу. Я скажу вам вот что: они сражаются храбро, гибнут нечасто и молча. При этом им всегда достается самое пекло.

– Это на войне! – быстро нашелся оратор. – А сейчас...

– А где ты видишь мир? – еще больше изумился Аир. – Не путай слова, дворянчик. Мир и *перемирие* – это две большие разницы. Мир нынче остался лишь коротким словом на страницах атласов и уже пару веков начисто вымаран из словаря дипломатии.

Лейтенант и беловолосый гомункул обменялись короткими понимающими взглядами.

⁵ от *queren* (нем.) – «пересекаться», кодировка одного из последних индексов гомункулов на службе организации ЭРА, регулирующей на Материке деятельность «героев и злодеев».

– Ей богу, наивно! – вскричал выведенный из себя прогрессист. – Наивно полагать, что, даже вызови мой несчастный товарищ того старого хрыча на дуэль, всё разрешилось бы справедливо. Явился бы очередной кат из ЭРА и снова «зачистил» всех до блеска!

– Не-ет! – протянул Фобия. – Ты всё слишком упрощаешь, правдурб недоделанный! Во-первых, у твоего приятеля кишка тонка решиться на такое самолично. Значит, этот гнусный трус начал бы искать героя и заступника, а сейчас их пруд пруди! В каждом захудалом городишке, в самом занюханном трактире всегда найдется парочка завшивевших, но благородных бродяг в поисках приключений. Во-вторых, все дело будет изложено им так, что старик-калека окажется вдруг одержим самим дьяволом или еще чем похлеще. В итоге, охотники на демонов устроят драку с доблестно выполняющими свой долг стражами родового замка. Будет куча трупов, море крови, а прибирать весь этот бардак кому?

– Уж не вам ли?! – поддержали оратора-прогрессиста из толпы.

– Именно!!! – рявкнул Фобия. – Я с детских лет держу в руках оружие и утрясаю ваши людские, эльфийские, гномьи и даже халфлингские делишки. Мне плевать кто прав, кто виноват, но в процессе выяснения вашим родом своих неурядиц в мире почему-то прибавляется выжженных полей, разрушенных городов и кладбищ! И так было всегда, не юлите! Вы вызываете тут к совести своих созданий, считая нас вторым сортом, потому что у нас нет души, а сами, такие духовные, не можете найти общий язык! И вот уже несколько тысяч лет продолжаете резво отнимать то, что сами же возводите в абсолют ценности – Жизнь! Мы же, гомункулы, ваш очередной инструмент в этом деле. Только и всего.

– Тогда чем вы лучше?! – взвизгнул оратор.

– Да ничем, – спокойно ответил Аир. – Мы просто следим, чтобы ваше кипящее в чане мироздания дерьмо не полилось через край. Даем укорот. Ведь в век, когда магия накормила голодных, когда чародеи победили почти все болезни, когда благоденствие воцарилось чуть ли не повсеместно – вдруг оказалось, что для Материка и его обитателей такое положение...

– Такое положение вещей для вас хуже сраной орочьей жопы! – грубо закончил за бело-волосого Фобия. – Кстати говоря, а где орки?! Перебиты, истреблены под корень! Из-за чего? ... И кентавры могли бы к ним присоединиться, если бы вовремя не унесли копыта на острова! Правда, сейчас они там медленно вымирают, но всё равно. Браво, черт возьми!

Квир заложил трость подмышку и принялся размеренно хлопать.

– Так, может быть, скажешь, с чего вдруг надумал прыгать? – спросил Аир, отмечая для себя, что паром достиг противоположного конца чародейской цепи, где в воздухе одиноко плавал зачарованный буёк. Скоро следовало ждать возвращения.

– В одной из ваших «чисток» погибли все мои родные. Все те, кого я любил.

– Так отомсти?! Валяй! Пырни, например, меня ножом! Ведь люди так дела делают. Разбираться им не досуг! – не на шутку разошелся Фобия. – Да что ж за поколение?! Приходится объяснять элементарные вещи!

Прогрессист неожиданно развернулся, шагнул на перила, сорвался вниз и был таков.

– Бывает, – после неловкой паузы заключил лейтенант, медленно стаскивая с головы берет.

Фобия посмотрел на стену густых облаков, собираясь с мыслями. Наконец, набрав в грудь воздуха и резко выдохнув, изрек:

– Не самый дурной вариант окончания диспута. Ладно, проехали. У нас же остался еще один. Последний из последних, так сказать.

Зрители, ощутив спад настроения главного заводилы всего действия, заметно оживились. Сначала гул оказался недостаточно силен, но вскоре до заостренных ушей Фобии долетела парочка особенно язвительных комментариев, и он вконец осатанел:

– Не можете дождаться, когда я заткнусь?! О, да-а! – протянул гомункул выделявая своими длинными пальцами в обрезанных перчатках настолько грубые жесты, что не одно муж-

ское лицо стало багровым как помидор, а женское побледнело словно холст. – Давайте-давайте! Это же позволяет мне ощутить себя конченным засранцем! Багровейте, бледнейте, сотрите зубы в порошок, а языки проглотите хоть до диафрагмы, но я закончу то, что начал!

– Ты, – направил кончик кинжала на последнего самоубийцу Аир, подыгрывая товарищу. – Почему ты здесь?

– Почему ты *всё ещё* здесь?! – вытаращил глаза Фобия, внося уточнение.

– Я? – промямлил совсем юный прогрессист, вцепившись в поручни так сильно, что костяшки на руках побелели.

– А кто же еще, черт возьми?! – потерял терпение даже полуэльф лейтенант. – Мы тут больше не видим других дурней, готовых сигануть с этой верхотуры башкою вниз!

– Хотя, подождите! – сощурился Фобия. – Знакомый профиль! Уж не родня ли ты тому, кто только что шагнул в пропасть? М-м?!

– Мы сводные братья по отцу! – выпалил прогрессист с силой зажмурившись и отворачиваясь, когда гомункул навис над ним.

– Тогда как понимать, что во время чисток погибли *все*, кого любил твой брат? – опешил Аир. – Ты же жив!

– Вам мало. Да? – хрипло произнес Фобия, зловеще сверкнув глазами. – На меня смотри, сопляк! Мало?

– Чего?

– Кого! А не чего! – рывкнул в самое ухо прогрессиста гомункул. – Мало, что с тобой рядом есть близкий по крови человек... Вам всегда мало! Мало материнского тепла, которое вы не цените и принимаете как должное. Мало заботы близких, которые в вас души не чают. Мало опеки, которой наполнена ваша жизнь с самого детства. Едва впервые открываете глаза – вас ждут с распростертыми объятиями и безмерно счастливы явлению на этот свет!

Фобия отошел к Аиру. Беловолосый удивился выражению лица друга и даже успокоительно положил руку ему на плечо, но тот моментально сбросил её раздраженным движением.

– Жаль. Как жаль, что я не могу отобрать это у тебя, – прошипел гомункул, откидывая рубиновые косы и испепеляя прогрессиста взглядом. – Раз всё равно не ценишь и оно тебе не нужно, отдал бы мне! Нам, квирам, никогда не суждено услышать голос, да хотя бы легкий шепот той, что породила нас на свет. За тепло её рук и одно ласковое слово мы готовы полжизни отдать! Меня заставили убить... поглотить свою сестру ещё в утробе, а ты преспокойно даешь брату умереть прямо на глазах, даже не попытавшись остановить его?! Мразь!!!

Аир попытался удержать, но Фобия вырвался:

– Что ж, раз во всём, по-твоему, виноваты *мы*, так будем же виноватыми до конца!

Один красный глаз пришел в движение. Зрачки, образовывавшие равнобедренный треугольник, начали вращаться, будто водили хоровод. Прогрессист остолбенел и, не моргая, смотрел на гомункула. Потом задергался, все еще не отрывая рук от поручня. Молодой человек извивался, бросая голову то на левое, то на право плечо, не в силах отвести взгляда от красных глаз. Его рот искривился, сообщая лицу бледность и почти театральную гримасу дикого, животного, ужаса.

Раздался крик. Яростный и надрывный.

Колени согнулись, ступни подвернулись, и прогрессиста начала бить нешуточная дрожь. Глаза распахнулись настолько, что, того и гляди, вывалятся из орбит. На светло-бежевых панталонах расплзлось темное пятно. Аир потянул носом воздух и сморщился. Как и было обещано, просрать и не только Фобия дал на славу.

Когда паром двинулся в обратный путь, пассажиры разошлись по палубе. Они старались избегать того места, где осталась неприметная лужица с кусками вырванных ногтей и подтеками крови на поручнях, а также образовали значительное пространство вокруг двух квилов, которые терпеливо дожидались прибытия на пристань.

Обыватели боялись их. Гомункулы в те времена являлись чем-то вроде эгрегора – ментального конденсата мыслей и чаяний многих и многих поколений, которые жаждали спокойствия от потрясений – любой ценой. Жаждали породить бесстрастных судей и защитников – палачей. На это ушло немало времени и сил. Казалось бы, вот он, успех! Однако слишком часто итогам ужасались не только военные чины, но и сами творцы этой изошренной формы жизни.

Смеркалось, когда паром причалил у пристани на высоком обрыве. Оба гомункула тут же пришли в движение и, не спеша, двинулись к сходням, жадно обшаривая собравшихся светящимися в сумраке глазами. Они молчали и размеренно двигались вперед, словно в дурном сне надвигаясь на столпившихся пассажиров. Те же, заметив это, принялись еще сильнее напирать, всеми силами стараясь покинуть паром. Эльфам, обеспечивавшим отправку, пришлось спешно освобождать еще несколько секций, перекрытых цепями, чтобы предотвратить начинающуюся давку.

– Вот он, – вполголоса объявил Фобия, меняясь в лице.

– Вижу, – подтвердил Аир.

– Ждать не будем, ударим сразу?

– Согласен.

– Сколько их, как думаешь?

– Он не богат. Вернее, все его богатство – это записи, которые нам и поручили забрать.

Так что не больше десятка сборов.

– Неужели он и в самом деле думал, что Совет Восьми позволит выбросить рукописи за край мира? – фыркнул Фобия. – Почему все гении от магии такие дурни, когда дело заходит о мирской суете?

– Я не уверен, что заказ поступил от чародеев из ордена, – нахмурился Аир. – Скорее уж частное лицо.

– С чего ты взял?

– Щедро платят, а маги – известные скупердяи. Это раз. И второе, наш наниматель не оставил знака стихии. Ни с письмом, ни с посыльным. Это как минимум не вежливо. Ведь орденов – восемь, и заставлять исполнителя гадать, что именно говорить при отчете триумвирату ЭРА, просто свинство.

– Знаешь, – в свою очередь нахмурился Фобия, – мы этим воспользуемся. Если не спросят при отчете, тогда дело точно нечисто и сами дознаемся. Уж больно подозрительно всё это выглядит... О! А ты угадал! И правда десять. Одиннадцатый – капитан Черной Бригады. Я видел его при феларском дворе. Под его началом была серьезная сила из наемников, но в последнее время ходили слухи, будто бы они понесли тяжелые потери. В короткие сроки.

– И осталось их не больше двух десятков? – вскинул брови Аир. – Я тоже слышал об этом! Гомункулы озадаченно переглянулись.

Пассажиры высыпали на берег и спешно отделились от парома, проталкиваясь через толпу собравшихся зевак. В итоге закутанный в плащ бородатый маг и одиннадцать его спутников оказались посредине площадки перед причалом одни. Удобнее момента могло и не представиться, поэтому оба квира сбежали по сходням, оказавшись лицом к лицу с наемниками Черной Бригады. Те же без особых прелюдий выхватили оружие, явно готовые ко всему.

Фобия встряхнул трость без оголовья и она неожиданно увеличилась. С обоих концов возникли еще две части, тем самым утроив общую длину. С глухим щелчком показалась пара острых наконечников на торцах.

– Стреляйте! – вскричал капитан, видя, как Аир обнажает свой горский палаш.

– Да шас! – зло ощерился Фобия. Красные глаза гомункула завертели дикие хороводы зрачков, и первые шестеро наемников застыли, словно громом пораженные. Двое из них дрогнули, побросав на землю оружие, и пустились наутек.

– Труссы! – заскрежетал зубами капитан, но в этот момент перед ним метнулась белая шевелюра.

– Берегитесь! – предупредил маг, пуская с пальцев атакующее заклятие.

Капитан наемников отпрянул от беловолосого. Тот припал к земле, выставив над головой левую руку с растопыренными пальцами. Аир почувствовал, что в чародейство вплетено еще одно, дополнительное, подавляющее способности Фобии. Следовало помешать. Рукав с бахромой сполз вниз, оголив запястье, схваченное широким серебряным браслетом с вкраплениями бирюзы. Заметив украшение, маг испустил громкое проклятие. Брошенное им заклинание притянуло к ладони гомункула, будто магнитом. Из браслета молниеносно появились металлические части перчатки с острыми когтями, надежно закрывшие фаланги и ладонь. Пальцы беловолосого затряслись и сжались – Аир издал рык и расколол заклятие.

Капитан поймал хищный взгляд гомункула и тут же сделал выпад. Клинок шпаги встретил пустоту. В то же мгновение отложной воротничок бедняги залило кровью из четырех косых ран, раскрывшихся на горле. Судорожно схватившись за шею, капитан рухнул навзничь.

Правый глаз Фобии, наконец, собрал три зрачка в один большой, и двое наемников упали на колени. Они закрывали уши, из которых лились алые ручейки, и трясли головами. С едва слышным хлопком у крайнего взорвались глазные яблоки и он зарылся носом в землю.

– Умри, чудовище!!! – к Фобии подскочил один из тех, на кого не подействовала эта способность, ведь гомункул мог за раз держать в парализующем страхе только шестерых. Дюжий наемник размахнулся абордажным топором, намереваясь снести квиру голову, но застыл на замахе, взвывая, как ошпаренный кот. Аир замер за спиной несчастного, сжимая окровавленный, мерцающий магией палаш двумя руками. Наемник упал и развалился надвое, перерубленный чуть выше кушака. Беловолосый снова пришел в движение, отрубив руку одному из наемников, который выхватил пистолет, после чего разбил бедолаге основанием эфеса лоб.

Расправа происходила настолько лихо и быстро, что собравшиеся на паром люди и эльфы не сразу уразумели происходящее. Когда же на землю один за другим начали валиться трупы, а воздух наполнился вонью содержимого распоротых кишок и хрипами умирающих, то вопли ужаса и визги женщин не заставили себя долго ждать. Они нарастали в толпе какими-то всплесками. Всё громче и громче, затихая и сходя на нет лишь в краткие промежутки созерцания очередного зверства.

Фобия улюлюкал и кружился в диком танце, напевая какую-то мелодию. Гомункул держал двумя руками шест, с обеих сторон которого орали два насаженных наемника. Они судорожно вцепились в древко, ворочавшееся у них в кишках, завывая от боли. В конце концов квиру это надоело. Он нарочито осторожно ссадил их у края парома.

– Что ж, рукописей пока нет, – заключил Фобия, зловеще ухмыляясь и складывая фаланги пальцев для смертельного удара, – но и выживших тоже!

Аир сцепился с последним из наемников, загородившим отступающего мага. Парень был не промах, и ловко встретил сокрушительный удар сверху «в ножницы», сложив шпагу и кинжал. Извернувшись, придавил оружие гомункула к земле и автоматически уклонился от удара левой руки. Беловолосый хмыкнул. Металлические сочленения перчатки на левой кисти сложились обратно в браслет, после чего кат бесхитростно завел руку за спину и выхватил кинжал. Хоть наемник и пытался толкнуть плечом, но клинок в ту же секунду оказался по рукоять у него в виске.

Фобия одобритительно кивнул на выкрутасы собрата и, в свою очередь, добил двух стонущих наемников. После чего, со свистом крутанув шест, двинулся к магу. Снова его зрачки закружили хороводы, но противник оказался не так прост. Среди метущейся толпы и воплей ужаса маг расслышал плач ребенка и сетования перепуганной матери. Это был, возможно, самый главный шанс в его оканчивающейся сейчас жизни.

Аир насторожился. Фобия недовольно скривился, когда чародей крепко зажмурил глаза и приложил два пальца к виску, пуская заклинание:

– Ах, ты... – разочарованно начал было квир, останавливая вращение зрачков, но, увидев, как маг вскинул руку и из толпы мощнейшим телекинезом выбросило грудного младенца, воскликнул. – Чтоб тебя черти драли!

Вцепившись в грудничка чародей выставил его перед квирами и основательно потрянул. Ребенок завопил. Гомункулы моментально отпрянули, выронив оружие и закрывая уши ладонями. Их металлический вой сложился в нечеловеческий дуэт, на краткий миг перекрывший вопли ребенка и всех перепуганных пассажиров вместе взятых. После чего оба мученически скорчились, припадая к земле. Маг же не стал терять даром времени и попятился к сходям.

Куратор, скучавший под сенью старого вяза, разочарованно покачал головой. Бросив взгляд на черноволосого метиса ран'дьянской крови, дожидавшегося команды, он тихо произнес голосом без интонации:

– Приступайте.

Болезненно худой снайпер покосился на нанимателя, изготавливая мощный зачарованный лук. Положив на тетиву стрелу и повернув магическое реле на оперении, стрелок приспустил красный шарф на нижней половине лица. Зажав губами ампулу с декоктом, выдохнул и раскусил. После чего задрал голову и сглотнул содержимое. Поморщившись, снайпер натянул шарф обратно и поднял оружие для выстрела:

– Мага? – донесся его спокойный, простуженный голос.

– Вы что, с ума сошли? С его головы не должен упасть и волос! – прозвучал ледяной ответ. – Конечно ребенка.

Снайпер пожал плечами, неторопливо и тщательно прицелился. Его характерный ран'дьянский зрачок расширился на весь глаз.

С натужным магическим свистом стрела отправилась в полет...

Глава 1

Полуденное солнце ярко сияло на небосклоне. В Сильвании, стране лесных эльфов, неторопливо проходил еще один нежаркий, приятный денек в череде таких же, похожих друг на друга как две капли воды. Особенно в конце лета.

Возле тропинки, ведущей с холма вдоль глубокого оврага, чье дно заросло деревьями, на поваленном стволе сидел путник. Кроны деревьев едва возвышались над тропинкой и со стороны напоминали эдакую гигантскую клумбу. На нее-то путник с нескрываемым интересом и любовался, периодически задирая голову и нежась в лучах солнца.

В общем, картина была бы прозаичной до невозможности, если бы не одна странность. На означенном путнике имелся костюм. Пусть прогрессистский, но явно мужского кроя: куртка из буйволиной кожи с бахромой, того же материала и выделки штаны, дополненные массивными сапогами и перчатками с широким раструбом. Однако то, как незнакомец сидел, вызывало удивление: опираясь на ствол широко расставленными руками, выгнув спину, он держал колени вместе, в тоже время отставив ступни друг от друга на полтора фута. Прибавив к этому то, как путник периодически грациозно откидывал падающие на лоб белоснежные локоны и томно вздыхал, можно было предположить, что это был вовсе даже не «он», а «она».

Позвольте, но зачем же понадобился весь этот маскарад? Ровно тем же вопросом, впрочем, задавались редкие прохожие, державшие путь в Ротвальд, эльфийскую столицу. Ведь от бревна до города было рукой подать. Возможно, конечно, переодетая путница решила напоследок полюбоваться видами сильванийской природы или просто ожидала кого-то. Наконец, поймав на себе еще пару косых взглядов, она соизволила проследить их направление. Изумрудные глаза с крестовидным зрачком уткнулись в колени. Спohватившись, она тут же расставила ноги шире, тяжело навалившись сверху локтями, нарочито и смачно плюнув в песок. Пожилая эльфийка, которая в тот момент проходила мимо в сопровождении пажа, еще выше подняла тонкие, без всякой жалости выщипанные брови, после чего отвернула свой напудренный носик.

– Вот ведь вылупилась! А сама-то? Стара, как говно дракона. Польститесь не на что, – процедила раздосадованная Хайди. Так звали эту переодетую путницу. Хотя имя, вернее код, который имелся у нее, как у любого гомункула, несколько отличался. Под ним узкие круги знали её, как Хекубу. Впрочем, в ЭРА не возбранялось использование псевдонимов.

Состроив мученическое выражение лица, Хайди основательно почесалась в районе ребер и подмышкой, грустно вздохнув. Ткань сильно стягивала её грудь, наложенная в полдюжины слоев, и пропускала слишком мало воздуха, отчего становилось нестерпимо жарко. Более того, очень больно. Хотя к последнему квирам было не привыкать с детства, но, из-за провальной попытки замаскироваться и прочих сопутствующих неудобств, квириша пребывала ещё и в весьма скверном расположении духа.

– «Как братишка таскает эту гадость?» – думала она, разминая спину.

Куртка была ей ужасно мала, особенно в плечах, не говоря уже о рукавах, которые её тренированным рукам были впрытык по ширине.

– «А штаны и вовсе катастрофа! Хорошо хоть не лопнули, когда я села».

Окинув взглядом бревно и проверив нечто за ним одной рукой, она чуть было не села по-старому, сомкнув колени. Выругавшись, даже по меркам сапожника весьма неплохо, Хайди подумала что нужно будет по окончании дела снова отправиться на охоту. И в этот раз на что-нибудь редкое. Действительно вымирающее! Например, пустить кровь мраморной выверны. Чем плохо? Ведь такая шкура гораздо лучше подойдет для куртки и штанов, чем эта буйволиная мерзость.

Скорнячество было любимым делом Хайди. С детских лет она пристрастилась к этому, когда совсем маленькой пробиралась зимой через леса, поедая сырыми убитых кроликов, из

чьих шкурок худо-бедно умудрилась сшить себе теплую одежду. Она не понимала нарастающих в среде прогрессистов настроений по защите редких видов и вообще всего этого перехода на магический синтез тканей. Неужели они не понимали, как это здорово ободрать кожу с убитой тобой добычи и скамстралить себе какую-нибудь шмотку?

Квирша опять откинулась назад, мечтательно зажмурилась и облизнула выразительные губы. Внешностью она напоминала имперских женщин: высоких, статных, крутобедрых, слегка надменный и дикий взгляд которых завораживал мужчин Материка испокон веков. Правда, не самая умелая маскировка едва ли позволяла сейчас оценить все достоинства её фигуры и лица, но что поделать? Пришлось перепланировать операцию ЭРА второпях и в последний момент. Такое не раз случалось и, если бы она и сетовала, то совсем немного. Хайди за долгие годы успела привыкнуть к непредсказуемости и перетряскам настолько, что даже находила в этом своеобразный шарм профессии.

С кряжа, возникнув из зарослей, по тропинке начала спускаться фигура закованного в латы воина, ведущего лошадь под уздцы. Он шел не торопясь, особо не оборачиваясь. Походило на то, что местность ему была знакома. Хайди пристально следила. В лучах солнца золотые кудри особенно ярко блестели на его непокорной голове с горделиво поднятым подбородком. Такой тип кавалеров, пусть даже они были людьми, неизменно вызывал восхищение у дам при дворе эльфийского короля. Однако поддельные изумрудные глаза не зажглись и искрой этого восхищения. Совсем наоборот, взгляд, перешедший в положение исподлобья, стал до крайности колючим.

ЭРА держали за правило никогда не поручать таких героев-любовников квирам женского пола, потому как тяжело было бы поручиться за исход поединка, не говоря уже о высокой вероятности ренегатства. Но Хайди была совсем другое дело. Она всегда бралась за такие поручения с пристрастием, потому как относилась с огромной долей презрения к таким расфранченным кавалерам из-за их своеобразной манеры обращения с женщинами. Глупо было ожидать снисхождения от того, кто тебя всей душой презирает. Но всё равно с завидной регулярностью ей приходилось выслушивать мольбы таких вот «рыцарей», кто в мгновение ока становился жалок, будучи заносчив всего минуту назад, стоило ей начать резать и бить. Секрет же лично её стойкости перед мужскими чарами объяснялся довольно просто: она воспринимала их как соперников и только.

– Куда чешешь, груда железа? – окликнул рыцаря ее искаженный магической маской голос.

– Что вы сказали?! – молодой человек остановился, с изумлением воззрившись на нахала.

– Ты что, глухой, рыцаренок? – металлический голос не позволял ясно понять, какого пола квир к нему обращался, но, быстро осмотрев того, кто искал с ним ссоры, рыцарь заключил, что имеет дело скорее с мужчиной. Если вообще можно было различать по половому признаку этих оксюморонов от алхимии.

– Да вы наглец, сударь, как я погляжу, – молодой человек протянул руку к свисающему с седла длинному мечу. – Советую вам извиниться и сменить тон, иначе мне придется дать вам укорот!

– То дело, за которым ты намылился в столицу – пропащее дело, – продолжил квир, поднимаясь и не уделяя должного внимания угрожающим телодвижениям. – Король не отдаст руки дочери. Особенно недалекому балбесу, который решил прославиться, убив священную тварь в чаще Сильвана.

– Было же пророчество, – высокомерно начал рыцарь, – а теперь я лишь собираюсь получить свое по праву. Я и мои друзья славно потрудились...

– Конечно! Зарубить в пещере и без того умирающего хранителя леса, обозвав его чудищем, это нетривиальная задача! Сильванийцы старой веры теперь места себе не находят. Кстати, само пророчество было написано под заказ знакомым магом короля. После чего добав-

лено в хроники столь же знакомым архивариусом короля. Однако шутка затянулась, и вот я здесь.

– Зачем? – стиснул зубы рыцарь, на чьи «белые» доспехи только что будто опрокинули ушат помоев.

– Предложить тебе поворачивать и убираться восвояси. Ты – единственный из всей группы не знал, на кого отправился охотиться. Но твои друзья ответят за злодеяние. Они давно живут на землях эльфов и в курсе, кого прикончили. Слово ЭРА!

При упоминании столь известной аббревиатуры рыцаря заметно передернуло:

– А если я не откажусь от своей цели?!

– А если не откажешься, я тебя убью, – без эмоций ответил кат, слегка нажав на последнее слово.

– Ну уж нет! – взревел рыцарь, хватая свой двуручный меч. – Это я тебя убью, чертово отродье! Кем вы себя вообще возомнили в этой ЭРА?!

– Ты позволишь досаде так просто погубить себя? – квир озадаченно склонил голову на бок. – О, а этот огромный и неуклюжий меч... Хм... проблемы со статусом?

Последнее язвительное замечание попало в цель.

– Доставай лучше свой клинок. Иначе у тебя начнутся *проблемы со статусом*! – неумело передразнил рыцарь, зардевшись от злости.

– Едва ли, – кат ловко перемахнул за бревно и подхватил ожидавшее там своего часа оружие.

– Боже! Какой большой... – выдохнул рыцарь, оторопев от увиденного.

Хайди подняла свою бессменную Дурынду. Так ласково она её называла. Это оказался меч шести футов в длину и около полуфута в ширину клинка. Рукоять была обмотана посеребрившей от времени человеческой кожей, а длинные вороненые усы гарды были заточены на концах. Согнув ноги в коленях, она встала по-феларски, направив острие клинка в сторону рыцаря, плоскостью вверх, уперев большой палец левой руки над гардой.

– «Он собирается орудовать этой оглоблей в фехтовальной позиции?» – изумился молодой человек, но не успел опомниться, как квир спружинил, вывернулся и всадил сбоку ужасающей силы удар.

Несмотря на все приложенные усилия и довольно высокую мощность зачарования собственного клинка, рыцарь был отброшен на добрых три ярда и растянулся на земле, гроыхая доспехами, оглушенный и растерянный. Гомункул же сгорбился, медленно заводя свой неимоверный меч назад. При этом одной рукой. Его изумрудные глаза маниакально блестели, а язык напряженно замер в полуоткрытом рте, почесывая резцы.

Кат медленно приближался, по волчьей, полукругом, снова заходя с боку. Не торопился. Опытный, знает, что латы нынче не только для защиты от острых железяк, но могут содержать в себе множество магических сюрпризов.

Окончательно придя в себя, рыцарь поднял руку, активируя печать в латной рукавице. Резко подскочив он с торжествующим ревом перехватил меч двумя руками и обрушился сверху. Но квир ускользнул. Буквально мгновения не хватило, чтобы впечатать его в землю и развалить беловолосую башку. Вонзившись и разметав лишь комья земли, рыцарь уже знал, что последует дальше. Он грязно выругался, спешно хлопая себя по наплечнику. Хотелось бы придержать это до последнего, но, увы, если не сейчас, то *последнего* вообще не будет. Дурында с чудовищного вращательного движения врезалась в латную спину. На мгновение рыцарю показалось, что из легких вынули весь воздух. Но магия сработала, и он остался жив, лишь пропахав носом землю возле бревна.

– Вставай, – донесся сзади металлический голос квира, – собирай свои манатки и проваливай! Пока в твоём доспехе не кончились магические печати.

Однако рыцарь не собирался сдаваться так просто. Он знал, что фамильный клинок, доставшийся ему от отца, был оружием класса Аин, то есть никак не меньше семидесяти единиц. Поэтому он просто не мог вот так отступить.

Повернувшись, он застал гомункула в выжидающей позиции.

– Ни за что! Я спасу своих друзей! – выпалил молодой человек, занося меч над головой.

Изумрудные глаза гомункула покосились на слабое свечение, которым зажегся магический клинок. Выразительный рот выпустил лукавую усмешку:

– О! Вот это разговор. Смахнемся по-взрослому, сладкий? – ответил он странным голосом, будто мурлыкающим сквозь металл. – Ты мой кудрявенький блондинчик!

Брови квира взлетели вверх, разверзая кишащую в глазах жажду убийства. Чистую, без примесей настроения или желания казаться. Он этим жил и дышал каждый день своего жестокого существования.

Рыцарь рванул навстречу. Гомункул тоже не заставил себя ждать. В последние мгновения, прежде чем их клинкам схлестнуться, молодой человек заметил, как вокруг меча его визави клубится пурпурный с черным туман. Он никогда не видел подобного раньше.

Удар.

Перед глазами рыцаря встала беззвучная сцена. Сияющий, словно сотканный из солнечного света, стриж летит по небу. Набрав высоту, он срывается вниз, сложив крылья в восхитительном пики, как вдруг из земли выворачивается чудище, змееподобная тварь с огромными зубищами, и набрасывается на птицу. Рыцарь протягивает к ним руки, бессильно распахивая рот в беззвучном вопле – черные зубища перекусывают птичку, и она раскалывается на мириады блестящих осколков.

Магический взрыв разбросал их в стороны. Рыцарь тяжело приподнялся на локте, сплевывая кровь. Похоже, у него осталось не так много целых ребер. Едва ли он сможет еще двигаться. Квир стоял рядом. Из-за пелены едкого дыма смотрели, не моргая, безжалостные глаза. Рыцарь не видел, но чувствовал этот взгляд.

– И это всё, что ты можешь? – прошипел грубый женский альт.

Дунул ветер. Дым рассеялся, и молодой человек увидел перекошенное лицо квира: с левой стороны, на скуле, царапины от осколков клинка уже затягивались, осыпаясь песком магической иллюзии, которая кое-где обваливалась целыми кусками и был виден янтарный глаз с кошачьим зрачком. В руке же гомункул сжимала...

Молодой человек остолбенел, снова узрев черное чудище в пурпурной дымке. Оно выходило прямо из рукоятки меча. Своими длинными зубищами тварь с треском пережевывала его оторванную ступню! Прямо в латах!!

– Откуда у тебя... Живой клинок?! Это же класс Тав! – прохрипел рыцарь, чувствуя, как силы оставляют его. – Четыреста единиц! Невозможно...

Хайди подошла к потерявшему сознание противнику. Минуту колебалась, но потом всё же решила закончить дело быстро, как ей было велено. Она опустила руку, и Дурында с голодным урчанием набросилась на бездыханное тело.

* * *

Es ist ein Schnee gefallen,
und ist es doch nicht Zeit:
Man worf mich mit dem Ballen
der Weg ist mir verschneit.⁶

⁶ Снег выпал так неожиданно, Тепла уж не вернуть, Мне вслед снежки бросают, И снегом устлан путь. (нем.)

Падал снег. Маленькая девочка ступила на мост, сжимая в руках огромный и длинный сверток из кусков невыделанной оленьей кожи. На другом краю рва ожидали две фигуры в мантиях с надвинутыми капюшонами. Шмыгнув носом, она крепче обхватила сверток и пошла вперед, торопливо стуча по доскам моста деревянными башмачками на босу ногу. Где-то на середине девочка замешкалась. Плохо сшитые вместе кроличьи шкурки неказистой одежды путались под ногами, и она чуть не упала. Но в этот момент ее снова позвал мягкий и вкрадчивый голос. Тот самый, что обращался к ней, пока она пробиралась по лесам. Вернее, сперва он обратился не к ней лично. Просто обещал защиту и кров тем, кто последует его указаниям. Однажды, разбудив ее морозным утром и исходя словно изнутри головы, он изредка напоминал о себе, пока она в сомнениях шла сквозь пургу имперских степей. Наконец, она обратилась к этому голосу и, о счастье, он ответил. Не сразу, но вскоре. Никогда ей так быстро не откликались...

Девочка сделала всё, как велел голос, и теперь переходила мост над пропастью. Всем сердцем она жаждала ступить под ворота цитадели ЭРА, из-за черных стен которой возвышалась высокая пирамида белого оникса.

– Не бойся, – мягко произнесла та из фигур, которая была ниже ростом, и протянула руки навстречу девочке. Усталая с дороги, она засопела, из последних сил поднимая сверток, с которым никак не хотела расстаться, и снова бойко застучала башмачками по доскам. Фигура склонилась ей навстречу и даже присела на корточки. Девочка так заспешила, что всё-таки запуталась в шкурках и споткнулась. Фигуры среагировали на удивление слаженно и быстро. Рослая, если быть точным, то в два раза превосходявшая ростом обычного человека, выкинула вперед длинную и узкую, словно копье, руку, без видимого усилия схватив и удержав сверток. Вторая же подхватила девочку, не дав той упасть. Очутившись в бережных объятиях, ребенок смутился, пряча взгляд янтарных глаз с кошачьим зрачком. Пар ее дыхания поднимался к чернеющему пространству капюшона, откуда пристально смотрели теплые, серые глаза. Пальцы в перчатке провели по ее впалой щеке, горячей нездоровым румянцем.

– У нее жар, – посетовал мягкий голос.

Ноги девочки в тот же момент подкосились, и она обмякла в заботливых руках.

– Бедное дитя!

Фигура поднялась, бережно взяв девочку на руки.

– А что вы хотите, мэтр? – бесстрастно отозвался другой, металлический голос рослой фигуры, которая перехватила огромный сверток подмышку, словно тот ничего не весил. – Если я верно помню, этого квира мы призывали из глубин степей. С тех пор она прошла без малого двести миль, прежде чем оказаться у нашего порога. Неудивительно будет, если она умрет от истощения.

– Но вы же не допустите этого? А что она несла с собой? Полюбопытствуйте, например. Долговязая фигура осторожно скинула пару оленьих шкур и остановилась:

– Спящий клинок... – в металлическом, бесстрастном голосе послышались едва различимые нотки удивления. – Откуда у нее эта дурында? Видать, квира создал какой-то коллекционер или алхимик крайне консервативных убеждений, если еще держит в доме такие опасные и... Хм, старые вещи.

– Вы думаете, она украла меч?

– Несомненно. Если не что-нибудь похуже. Но вот вопрос: почему клинок ее не сожрал? – долговязая фигура осторожно провела черным, кинжалобразным пальцем по рукоятке.

– Проклятье! Она еле дышит! – всполошился мягкий голос, едва они миновали ворота. – Прошу. Она же ценная, раз меч ее не тронул... Так ведь?

– Полноте, – металлический голос перешел в трубный. – Вы – известный добряк. Вас послушать, так нужно сохранять жизнь им всем без разбора. Но в данном случае вы правы. Факт дружбы со столь прожорливым мечом интересен. Отпустите-ка ее.

Фигура спешно положила девочку во внутреннем дворе прямо на землю, после чего отошла в сторону. Черные, кинжалообразные пальцы долговязой протянулись к груди девочки, разгребая кроличьи шкурки – она очень тяжело дышала. Каждый вдох ребенка вырывался выдохом с сильным хрипом. Пальцы проникли под бесхитростную одежонку. С минуту фигура слушала биение сдвоенного сердца гомункула. Слушала внимательно. Наконец, видимо, удовлетворенная своими изысканиями, вознесла вторую руку, пошевелила пальцами и вонзила всю пятерню в ребра девочки, заливая кроличьи шкурки молодой кровью.

Вторая фигура отвернулась, что-то бормоча.

Вдоволь накопавшись в сердце и легких гомункула, долговязая поднялась с колена и обратилась к коллеге:

– Пожалуйста сюда. Готово.

Руки в перчатках снова взяли тело девочки, и капюшон обеспокоено склонился над ней, прислушиваясь к дыханию. Она дышала спокойно и ровно. Пылающий румянец сошел со щек.

– Кстати, не желаете узнать, с чего вдруг меч не стал ее жрать? – поинтересовался металлический голос. – Поднимите-ка ей веко.

Сказав это, долговязая фигура отвернулась и неспешно двинулась вглубь двора через аллею можжевельников, ведущую сквозь сад к ониксовой пирамиде.

Теплые серые глаза пытливо всмотрелись в лицо девочки. В то же время зубы торопливо стаскивали перчатку. Немного приподняв морщинистым пальцем веко ребенка, алхимик опешил – у янтарного глаза был теперь другой зрачок: горизонтальный, в виде полоски, как у коз.

– Примесь крови демона? Действительно любопытно, – заключил он, хмурясь.

Окончательно в себя девочка пришла лишь под вечер. Она очнулась на софе посреди огромной гостиной, заботливо укрытая пледом. В камине весело потрескивали поленья, в воздухе витали заманчивые ароматы съестного. Казалось, прошла вечность с тех пор, как ей доводилось в последний раз пробовать не сырую пищу. Она села и опустила ноги на пол, озадаченно уставившись на длинную, белоснежную рубаху, в которую ее переодели. У нее никогда в жизни не было такой красивой одежды. Она обхватила руками мягкую ткань и зарылась носом в широкий, пышный воротник, вдыхая приятный запах сивльванийских духов. Влажные после мытья, её каштановые волосы упали на лицо, отдавая цветочным ароматом эльфийских шампуней.

– Проснулась? – поинтересовался знакомый голос.

Девочка порывисто обернулась, желая увидеть этого доброго волшебника, который так заботился о ней. Он сидел в глубоком кресле возле столика, на котором были свалены рукописи и книги. Одетый в просторную рубаху и бежевые панталоны, как часто носили мужчины у нее на родине. А вот и халат, закинутый на спинку соседнего кресла. Очевидно, чародей бросил в камин слишком много поленьев, чтобы ребенок быстрее согрелся, поэтому в гостиной и стало так жарко.

Она осторожно встала. Босые ступни утонули в толстом ковре.

– Какая ты крупная для своего возраста, – мягко улыбнулся волшебник, отняв руку от лица. Все это время он скрывал пятерней добрую его половину, облокотившись на ручку кресла. Девочка увидела седого, рано состарившегося человека, с огромным магическим ожогом на всю щеку, висок и четверть лба. Но его теплые, серые глаза смотрели так приветливо, что она могла бы легко не обращать на это внимания, если бы... Если бы сама не испытала, что такое магический ожог и как это больно.

Когда она робко подошла и прикоснулась подушечками пальцев к изуродованной коже, маг растрогался:

– Ты жалеешь меня, в то время как у тебя самой на теле нет живого места? Какой же злодей так издевался над тобой?

Девочка молчала потупившись. Послышалось урчание. Она смутилась, обхватив руками живот и густо покраснев. Чародей поднялся из кресла и легким, но настойчивым движением направил ее обратно к софе. Усадив ребенка, он опустился на одно колено и выдвинул из-под стола две коробки. Сначала раскрыл более крупную.

– Выбирай, что будешь носить. Не думаешь же ты расхаживать в одной рубашке? – улыбнулся маг, извлекая из коробки платице и штанишки.

Девочка мгновение колебалась, но все же взялась за штанишки. Чародей понимающе кивнул и открыл вторую коробку, меньше первой. Там находились чудесные башмачки из мягкой кожи с красными бантами. Она захлопала в ладоши, но снова не произнесла ни слова. Маг немного огорчился. Он же проверял ее голосовые связки – всё было в порядке. Признаки мутации оказались такими же, как и у всех квиров. Даже менее выраженными по ряду критериев, а это означало, что у нее не будет проблем с женственными интонациями, пусть она и не сможет говорить на два голоса без помощи магии. Большинство гомункулов этого типа были способны менять свой голос с мужского на женский когда им заблагорассудится, сбивая тем самым обывателей окончательно с толку. Ведь многие из них, помимо этого, отличались еще и андрогинной внешностью. Не мудрено, если вспомнить тот способ, каким предвляли в жизнь алхимическую гипотезу, лежавшую в основе создания индекса.

Когда она оделась, волшебник препроводил ее в общий зал. Там готовились вкушать свой полдник такие же, как она – воспитанники ЭРА, гомункулы, собранные по всему Материку. Нужно было спешить и представить ее остальным. Совсем не оставалось времени, ведь скоро придется разбивать подрастающих квиров на звенья. По трое в каждом. Увы, таково было их наследие. Ничто не исчезало без следа, как гласил один из законов не только алхимии, но и магии, и именно поэтому воспитанникам цитадели в скором времени предстояло жестокое испытание. И никто не смог бы помочь им в этом, кроме себе подобных.

На примете у волшебника была парочка сдружившихся квиров, которые поразительно хорошо ладили. На этих двоих маг возлагал большие надежды и считал, что новенькой подойдет такая компания. Пусть даже один был на два года старше, а в таком возрасте у детей это имело значение. Ведь они всё еще были детьми, пусть и искусственно созданными. Сиротами при живых отцах, изгоями, всё прегрешение которых состояли лишь в том, что они появились на этот свет не такими и не так, как остальные.

– Акорус! – позвал маг, как только нашел среди резвящейся в зале детворы беловолосого мальчишку. – Подойди ко мне, пожалуйста!

Девочка с изумлением уставилась на робко приблизившегося квира с длинными волосами и огромными изумрудными глазами. Она и не думала, что существуют еще дети с такими же странными зрачками, как у нее.

– Акорус, – продолжил маг. – Познакомься, это Хекуба.

Услышав свой код девочка вздрогнула и поджала губы, но беловолосый взял ее ладонь в руки и, приветливо улыбаясь, произнес:

– Привет тебе, Хекуба!

У него были на удивление нежные руки, а голос окончательно вводил в замешательство. Если бы не одетые на нем штанишки, она бы подумала, что перед ней девочка.

– Учитель! Поглядите сюда, учитель! – раздался пронзительный писклявый крик.

Худенький мальчишка с короткими, рубиновыми волосами балансировал возле стола, удерживая на носу вертикально поставленную деревянную ложку для варенья, поверх которой колебалась горизонтально возложенная тарелка.

– О! – всплеснул руками волшебник. – Ты же ее разобьешь!

– В этот раз точно получится, учитель! – пообещал мальчишка, но тут же потерял равновесие, и тарелка с ложкой взлетели в воздух.

Телекинез бережно опустил непоседу на пол, иначе тот расквасил бы себе нос. Однако, зависнув на мгновение в воздухе, квир умудрился поймать столовый прибор и посуду. Довольно ухмыляясь, паренек подмигнул Акорусу и развязно поклонился наставнику.

Маг замер, услышав хихиканье. Хекуба стояла напротив этого хулигана и задиры и радостно, пусть и тихо, смеялась.

– Хекуба, это Фобос, – испустив вздох облегчения, поспешил представить волшебник.

– Хой! – поднял ладонь квир, после чего хитро прищурился, высунул язык и сложил средний и безымянный пальцы.

– Фобос! Оставь эти гномьи замашки! – одернул маг.

Теперь она засмеялась в голос. Впервые в жизни.

* * *

Фобия стоял в переулке и от нечего делать пинал. Пинал увлеченно, можно даже сказать самозабвенно. Хотя и не сильно, в притворной лени отмахивая ногой в грязном сапоге, но упорно, потягивая дешевый ром из пузатой приземистой бутылки с клеймом какой-то малоизвестной марки. Пустая бочка охотно вторила гулким эхом из своих дубовых недр. И эта идиллия продолжалась не сказать чтоб долго, но порядочно, дабы любой мог убедиться, насколько гомункулы превосходили простых смертных в самых бесплодных занятиях. Ведь даже у признанного мэтра в пинании бочек давно бы отвалилась ступня хотя бы от длительности этого упражнения. При этом сил у Фобии, едва ли серьезно убавилось за ту пару часов, что он бил баклуши в пригородах Ротвальда. Хотя связной и обозвал этот скучнейший процесс «страховкой» на случай непредвиденных обстоятельств.

Торчать у северо-западных ворот, естественно, было не личным желанием ката, а следствием указания из ЭРА. Какой-то молодой чародей бесцеремонно вломился в ментальный контакт и объявил о подвижке в сроках исполнения в тот самый момент, когда троица квиров уже принимала срочную депешу от коннетабля Сильвании. Ему, видите ли, зачем-то понадобился Аир. И понадобился в старой-доброй манере сварливого эльфа, то есть вынь и положь. Хотя надвое разорвись. Это, кстати, в прямом смысле слова пришлось бы проделать беловолосому, если бы не идея, которую предложила Хайди.

Бочка существенно громче затрещала под пинками.

Итак, коннетабль непременно требовал Аира к себе, в Штерн, по очень важному делу. Прибытие должно было произойти через магический портал, который молодой маг, доставивший депешу, грозился открыть незамедлительно, ибо, по его словам, промедление было смерти подобно. Равно как и связной из ЭРА, который требовал сию минуту собираться и быть готовыми ступить в портал к эльфийской столице по прямому распоряжению наследного принца крови. И, по его словам, тоже выходило, что промедление смерти подобно. Вся соль ситуации для квиров сводилась к следующему: если порталы и взаправду открылись бы, как обещали маги, а это значило одновременно, то произошел бы изрядный чародейский конфуз или, иными словами, взрыв.

– Ух, щеглы-торопыги, – протянул Фобия, откидываясь и с усилием вбирая носом воздух. – Из-за них мою задницу чуть не разбросало по всей Сильвании!

Гомункул закончил утверждение солидным плевком через улицу на крышу веранды в саду богатого поместья. Снова припав к горлышку бутылки, квир в пару глотков прикончил ее, после чего, запустил в выбежавшего из-за веранды садовника. Карлик даже не успел сделать замечание, сразу подвергшись обстрелу. Чудом увернувшись, он понял, что не на того напал, и

ретировался, под грубое предложение варианта направления от Фобии. Едва ли достижимого в географическом и анатомическом смысле.

Квир уселся на бочку и продолжил пинать. Теперь уже пяткой.

Решение было рискованным, но не невозможным. Аиру и Хайди приходилось такое проделывать раньше. Собственно, нужно было совсем немного иллюзии, чтобы добиться стоящего результата, потому как квириша оказывалась достаточно рослой и мускулистой, чуть крупнее беловолосого, и вполне могла обмануть даже того, кто знал гомункула лично. Иллюзии в полный рост на квирах держались скверно даже в спокойном положении, а уж в бою слетали целыми кусками, если и вовсе не рассыпались в пыль. Увы, не вся магия одинаково хорошо «липала» к другой магии, как говаривали практиканты из академий чародейства. Поэтому, собственно, квирам частенько доводилось прибегать к старой как мир маскировке или, как в последнем случае, обмену одеждой.

Перед глазами Фобии снова встала сцена, как Аир и Хайди спешно переодевались в чулане, помогая друг другу, смеясь и отпуская по случаю скабрёзные шуточки.

– Говнище, – угрюмо буркнул квир, выдернув зубами пробку из новой бутылки, и апатично присосался к опрокинутому горлышку.

Удерживая бутылку весьма специфичным манером, сбоку у щеки, гомункул пил громкими глотками, тараща перед собой стеклянным взглядом. В целом, можно было утверждать, что его дружба с гномами сейчас давала о себе знать во всей красе. Ведь только коренные фивландцы хлебали ром таким манером.

– Вот ты где! – раздалось из переулка.

Фобия не без радости для себя узнал знакомый силуэт. Она стояла, судорожно закрывая левую половину лица рукой. Изумрудный глаз с правой половины подозрительно озирался.

– Что стряслось?! – выпалил квир, соскакивая с бочки. – Этот говнюк ранил тебя?

– Да ты никак перепил, Фобос?! – рыкнула она грубым альтом с хрипцой, после чего подошла и вырвала бутылку у него из пальцев. – Дай-ка сюда, не жмотись!

Проклятье! Он бы принес хоть ящик, стоило ей только намекнуть. Хотя, постойте. Он ведь и приволок с собой именно ящик!

Квириша задрала голову и хорошенько приложила к бутылке, отняв, наконец, руку от лица. Буйволиная кожа на рукавах и штанинах затрещала. Под одеждой бугрились ее тренированные мышцы.

– Опять посыпалась иллюзия, да? – тихо пробормотал квир.

Она оторвалась от бутылки и недоуменно покосилась на него своим янтарным кошачьим глазом, утирая губы. Распахнутый ворот обнажал часть её шеи, покрытой имперским орнаментом роз специфической татуировки, спускающейся, как он помнил, на плечо.

– Можешь говорить громче? – спокойно попросила она. – Ты же знаешь, я плохо слышу на это ухо.

Фобия готов был провалиться сквозь землю, когда почувствовал мягкий укор в ее голосе. Черт побери! Ведь это из-за него она практически оглохла на левое ухо!

Заметив, какое отчаяние вызвала эта фраза на лице братишки, Хайди сжалась, одарив его мягкой сестринской улыбкой и даже потрепала за ухом. Он прикрыл глаза и склонился щекой к ее предплечью.

Она вспоминала... Как несла его тогда левой рукой. Старалась, как могла, чтобы ему не было больно, но позвоночник квира оказался раздроблен в осколки, и он кричал, разрывая своей названной сестре этим криком не только уши, но и сердце. Ему не было бы так больно, если бы вторая рука была свободна, но в правой она тащила Аира, практически перерубленного от плеча до бедра. Беловолосый оказался тогда без сознания и молчал. Из него вылилось столько крови. О, как она хотела, чтобы он тоже вопил как резанный! Чтобы ушел липкий страх потерять одно из самых дорогих ей существ. Во всем проклятом на корню мире!

Их склеили, заштопали, как порванных кукол. Правда с тех пор Фобия сутулился, а Аира иногда рвало желчью, но это мелочи. Её же недуг и впрямь оказался пустяковым. Только так вышло, что даже куратор из триумvirата ЭРА не смог восстановить ей слух, хотя прокопался своими кинжальными пальцами у неё в перепонке полдня.

– Значит, рыцаренок не пожелал убираться по-хорошему? – заключил Фобия, полагаясь на свои дедуктивные способности.

– И как ты догадался?! – она в притворном изумлении распахнула свои разные из-за половинчатой иллюзии глаза.

Фобию невольно передернуло.

– Воистину, меня окружают великие умы! Вот уж свезло мне, неотесанной ослице!

– Не-е, – протянул квир. – Ты – коза.

Хайди зло зыркнула на него, с сопением натягивая буйволиную перчатку на левую руку. Та была слишком мала, и ей приходилось прилагать множество усилий, чтобы ненароком не разорвать.

– Дай лучше банку с пылью фей, мне нужно восстановить иллюзию.

– Конечно-конечно! – подхватил Фобия, неуклюже обхлопывая себя по карманам. – Куда же я ее подевал?!

– Пьянь, – цокнула языком Хайди, закатывая глаза.

– Ничего подобного! – пошатываясь с идиотской ухмылкой, квир загнал свои руки в портки чуть ли не до локтя. – Для тебя всё, что захочешь. Я уже достаю из широких штанин...

Что именно собирался извлечь из своих штанин Фобос проходящему мимо семейству эльфов было не суждено узнать. Квирша схватила его за голову левой рукой, так и не одетой до конца в перчатку, и загнала затылком в ограду сада, проломив штакетины.

Квир заболтался в ее железной хватке, словно тряпичная кукла.

– Слушай сюда, полудурок! – рычала Хайди, сверкая своим янтарным глазом со зрачком превратившимся в козий, попутно пробивая рубиновой головой все новые и новые дыры в ограде. – Оставь свою пошлятину при себе. Я сейчас не в духе. У меня под носом рванул какой-то задрипанный меч с поддельным заклятием против демонов. Таких в мире осталось всего ничего, но мне, как всегда, свезло на наследника старого пердуна из былых паладинов, а тот передал эту бесполезную железяку на смертном одре своему внучку! Как ты знаешь, магические ожоги – это очень больно, дажя дял нас...

Она остановилась, проверяя, в сознании ли квир. Фобия не двигался. Хайди от души размахнулась и врезала ему смачного пинка. Из пролома в заборе высунулся его длинный язык и виновато лизнул ей оголенное запястье.

– И не подлизывайся, – смягчилась квирша, вынимая голову Фобии из пролома. Третьего, если быть точным, справа налево, начиная от оплеванной ранее веранды.

Фобия с хрустом вправил шею и, пока совершал вращательные движения головой, наткнулся взглядом на застывшее в глубоком шоке эльфийское семейство:

– Тля...

– Фобос!!! – еле успела одернуть сквернословия Хайди. – Дети!

– Да ладно тебе, они уже достаточно взрослые! – скривился гомункул, откидывая рубиновую косу за плечо. – *А-ксе-литрация* и все дела.

– Акселерация, неуч! – однако Хайди тоже не устраивало столь пристальное внимание. – Хотя, в Сильвании, видать, уже не так рьяно преподают правила этикета. Коль скоро праздные зеваки позволяют себе тарашиться на нас, как баран на новые ворота!

Она угрожающе шагнула в сторону семейства. Сильванийцы переполошились, подхватывая детей на руки. Когда эльфы спешно удалились, стараясь не оглядываться, Фобия значительно сложил руки на груди и произнес с видом философа:

– Недавно заметил: сильванийцев всегда убеждают веские доводы.

- Банку давай, – прошипела Хайди, стараясь удержать оставшуюся половину иллюзии.
- Да-да. Конечно! Вот, держи.

Она открутила крышку и взяла немного золотистой пыли на пальцы. Поднеся к самому краю иллюзии, осторожно пошевелила фалангами, стряхнув немного. Пыль некоторое время колебалась в воздухе, после чего начала притягиваться к краям иллюзии, дополняя и выстраивая её по новой.

Фобия некоторое время заврожено наблюдал, после чего вздохнул и отвернулся, когда маскировка снова восстановилась в свое первоначальное состояние.

- Чего нос воротить? – с издевкой обратилась квирша. – Лучше проверь, всё ли на месте?

– Хорошо! – ехидно откликнулся Фобия и с показным энтузиазмом принялся осматривать её. Всю. С ног до головы.

- Э! Эй!! Руки!!! – взъерилась Хайди.

– Кое-чего все же не хватает, – заметил квир, с напускной значительностью потирая пальцами подбородок.

- Чего именно? – она растерянно посмотрела на него.

- Видишь ли, еще с детских лет у мальчиков там...

Переулок огласил звук громкого подзатыльника.

– Кстати говоря! – вспомнилась квирша, толкая в плечо потирающего свою многострадальную голову Фобию. – Ты мне ещё понадобишься!

Хайди опустила руку на прикрепленную к поясу шкатулку в форме гексагона. Шкатулка была странной. На всей её матовой поверхности не было и следа замка или пластины, которая отворяли бы крышку. Размером с фляжку и явно не предназначенная для того, чтобы красоваться на ночном столике, она имела в центре несколько подвижных, тускло мерцающих кристаллов на шарнирах, встроенных в самую сердцевину. На самом деле это оказывался редкостный образчик тех высот, каких достиг прогресс магической мысли в те времена. Изготовление таких гексагонов являлось штучным делом и было по карману только очень состоятельным клиентам. В будущем маги-инженеры обещали, что подобные вещи совсем вытеснят торбы, седельные сумки и даже кошельки. Короче, любоеместилище ручной клади. Пока же, к сожалению, этими гексагонами могли пользоваться только те, у кого были необходимые магические знания и способности, или их имитация, как у гомункулов.

Сросшийся у основания тройной кристалл зажегся на шкатулке ярко оранжевым свечением и медленно повернулся с ни на что не похожим звуком. Хайди растопырила пальцы – в ладони материализовалась прямоугольная карточка. Квирша ухватила ее за край и встряхнула. Черная пленка облетела, словно зола.

- На! Полюбуйся, – усмехнулась она, и протянула находку Фобии.

Тот взял, недоверчиво покосившись. Пока квир просвещался насчет одной из будущих целей, Хайди извлекла из гексагона две оставшиеся карточки.

– Теперь ясно, почему ЭРА поручили это братишке, – нахмурился Фобия. – Двое из четверых владеют чародейством, а рыцарёнка этого требовалось запугать, убивая лишь в крайнем случае. В этом наш Аир спец каких поискать.

- Вот видишь. Мы уже облажались, – протянула Хайди.

– По барабану! – ощерился квир, не отрывая взгляд от карточки. – Отдаться перед триумвиратом все равно тому, чей код стоит в контракте.

Заметив, как неподдельная молния блеснула в неподдельных изумрудных глазах с крестовидным зрачком, он тут же уточнил:

– Но! Но... Для начала нам следует все сделать так, чтобы и впрямь на него подумали! Я надеюсь, мы в этот раз без куратора или чистильщиков?

- Сдурел? – Хайди покрутила пальцем у виска. – Был бы куратор, уже давно бы погорели!

– И то верно! – хмыкнул Фобия. – Давай так: клирики – не моё. Я в их магии ни бель-меса...

Квирша взяла карточку из пальцев побратима:

– С ним я сама управлюсь. Он конечно, силен, но слишком миролюбив и простодушен. По крайней мере, о нём так говорят. По отдельности они вообще представляют мало опасности, не считая чародея и лучницы. С ней я справлюсь, а вот с магом будет проблема. В лобовую он из нас жаркое сделает.

– Магистр?

Кивнула.

– Небось, стихии огня?

Снова последовал утвердительный кивок.

– Да чтоб его леший дрючил! – кулак грохнул по бочке.

– Поговаривают, что он еще и пироманьяк, – подначила Хайди.

– Совсем зашибись! Хотя все они там в ордене крышей поехавшие.

– Тем не менее, у него из всех четверых есть одно слабое место и мы им воспользуемся.

– *Мы?! Я* думал ты одна доделывать станешь?

– Я бы с радостью, но, видишь ли, у меня из-за этой его «слабости» совсем нет шансов.

– А...

– Награду пополам! – тут же разыграла главный козырь Хайди, уповая на любовь квира к щегольству и, соответственно, требуемым на это грудам золота.

– Щедро, – протянул Фобия, безуспешно пытаясь понять, в чем подвох, поэтому спросил прямо и грубо. – Ну, и где ты меня на...?

– Фобос!

– Что?! Не юли или иди к черту!

– Ладно, слушай, – сдалась Хайди, мысленно уже готовая к буре негодования, но выбора не было.

Рассказала.

Буря не заставила себя долго ждать. Фобия вскочил и разорался на весь квартал, не скупясь в выражениях. После чего уже изрядно прошёлся по всем профессорам, студентам, практикантам, магистрам, бакалаврам и аспирантам ордена Огня. Досталось даже библиотекарям и тамошним крысам.

– Все они одним миром мазаны! – распалялся квир, меча грома и молнии всеми шестью зрачками. – Как знал, что будет такая петрушка! В задницу!

– Как раз туда их очень устроит, – съязвила Хайди.

– Ага! И после этого ты хочешь, чтобы я добровольно поперся в башню к этому жопному дятлу?! Ни за что!!!

– Но, если приду я, он раскроет мою иллюзию в два счета! А то, что я женщина, совсем выведет его из себя. После меня и дымящихся сапог не останется.

– Отлично! Я заберу обуглившиеся подошвы на память и буду лить по тебе горькие слезы до конца своих дней, – оскалился Фобия, и не давая возразить, тут же спросил. – Кстати, а какой сегодня день?

– Четверг.

– По четвергам, – он вскинул голову, щури одни глаз и глядя на солнце, – где-то после полудня.

Хайди многозначительно посмотрела на него и мотнула головой.

Через час или около того Фобия стоял возле дверей высоченной башни, несуразно воткнутой посреди эльфийских домов, словно кривая подозрительная труба. Однако, стоило отдать должное архитектору, пусть место было подобрано не очень удачно, но имитация покрытия стен слоновой костью оказывалась выше всяких похвал. Зная тонкости синтезируемых мате-

риалов, отделка была выполнена с учетом всех нюансов и можно было и впрямь подумать, будто башня возводилась из слоновьей кости. Впрочем, труд был напрасен. Ведь посетитель мог подсчитать, сколько слонов на это бы понадобилось, и быстро понять, что такого количества не нашлось бы на всех южных островах вместе взятых.

У Фобии ужасно чесалась бровь и верхнее веко, но он не мог унять зуд, потому как опасался размазать всё то, чем был укашен не без помощи Хайди. Словно его глаза и без того не были достаточно выразительны! Один из них ещё и начал слезиться, так как в него попало немного туши с ресниц, а губы, блестящие сивильской помадой, постоянно подмывало либо облизнуть, либо зубами стереть эту липкую, странно пахнущую дрянь. А совсем хорошо, вырвать из ушей эти ужасные серьги с павлиньими перьями, безжалостно щекотавшие ему шею.

– «Проклятье! Кто выдумывает эту моду?!» – скрежеща зубами, рассуждал квир, касаясь хризолита, вмонтированного в стену у двери в башню. – «Я бы того, кто измышляет такую похабень, лично бы на кол посадил. Хотя, уж лучше сжечь. Мороки меньше.»

Малиновый перезвон колокольчиков взбежал вверх по башне. Фобия в изумлении замер. Через минуту дверь мягко отворилась и на пороге показался хозяин. Это был полноватый островитянин со смуглой кожей и крупными черными глазами навывкате, в толстом халате с вышивкой и туфлях с загнутыми мысками на босу ногу. Если квир до этого жаловался на избыток косметической чертовщины, которой мазали его лицо, то теперь готов был поверить словам Хайди о том, что для чародея его макияж будет просто данью приличиям. Лицо мага оказалось покрыто красителями настолько изрядно, что еще немного, и стало бы трудно судить о его этнической принадлежности.

– «Сжечь!» – мысленно возопил Фобия.

– О! Какой сюрприз! – приподнял кустистую бровь маг, беззастенчиво разглядывая квира. – Не часто мне выпадет удовольствие привечать в своем доме гомункула из ЭРА.

Этот певучий голос, без женских интонаций, как часто бывало, и в целом приятный для слуха в любой другой ситуации, сейчас порождал на спине Фобии ледяные мурашки размером с палец.

– Вот. Меня просили доставить вам это и, по возможности, дождаться ответа, – отчеканил квир, передав письмо скованно и заторможено, словно кукла, у которой плохо смазаны шарниры.

– Конечно, друг мой, проходите! Я всегда рад вестям от Триумvirата.

Они поднялись по лестнице. Маг шел впереди, источая ароматы восточных духов. Довольно приятных носу, если пользоваться ими умеренно, но хозяин башни перестарался. Поэтому в носу у Фобии изрядно свербело, а глаза стали слезиться пуще прежнего. Тем не менее данное обстоятельство не настолько выбило ката из колеи, чтобы он не заметил несколько важных вещей о своей будущей жертве. Как, например, то, что винтовая лестница была закручена против часовой стрелки. Это означало, что маг – левша, хотя тяжело было представить чародея, защищавшего свое жилище с мечом наперевес на каменных ступенях. Однако квир отметил и это для себя на всякий случай. Далее была легкая хромота, при этом явно появившаяся недавно, так как подъем по лестнице, избегая лишней нагрузки на правую ногу, еще не вошел у мага в привычку. Немного хриплое дыхание и запах микстуры, который Фобия учуял даже через всю островитянскую тарабарщину. Периодическое отирание левого виска... Походило на то, что чародей приболел и только-только применил несколько заклятий, понижающих жар и облегчающих отделение мокроты. В общем, если бы у Фобии была совесть, он бы ощутил ее укор.

Хайди вышла из закоулка, отсчитав приблизительно то количество времени, которое понадобилось бы магу на всякие любезности, прежде чем впустить своего убийцу в башню. Её

задача в этой партии состояла из двух вещей: первое – предоставить Фобии письмо-пустышку, которыми частенько обменивались чародеи, переливая из пустого в порожнее своей вычурной риторикой, иными словами создать повод, и второе – это привлечь внимание жертвы, чтобы у квира появилась возможность нанести удар. Первое у нее вышло без особых проблем, так как со многими кураторами она была на короткой ноге и найти того, кто набросал бы пару строк не составило труда. Второе же требовало большей изобретательности и осведомленности. Например, знание подробностей личной жизни жертвы дало в руки квирише весьма ценные сведения. Оказалось, что не так давно чародей расстался с очередным своим любовником и дело не обошлось без скандала. Причем публичного. Собственно, дабы развеять тоску, маг и согласился на предложение о странствии от ныне покойного рыцаря. В других обстоятельствах тяжело было представить, чтобы магистр Огня такого ранга отправился в странствия с безмозглым болваном, громыхающим своими ржавыми доспехами по дорогам в поисках подвига. Кроме того, зыбкой надежды на любовь минимум принцессы. А совсем хорошо – эльфийской принцессы.

Последние сто лет в особенной чести оказывались сильванийские эльфийки. Что говорить, оно и понятно. Дочери Сильвана слыли кроткими и нежными созданиями, не особо требовательными в своей массе, но мода менялась стремительно и бесповоротно. Поэтому Хайди ждала с каким-то садистским предвкушением того периода, когда в чести окажутся ларонийские эльфийки. Вот тогда действительно будет на что посмотреть! Когда фиолетовоглазые и беловолосые фурии с точеными носами станут выдумывать рыцарям всевозможные поручения и подвиги. Если до этого дойдет, то в Лароне, похоже, самыми доходными окажутся профессии гробовщика и могильщика.

– Или скорняка, – мечтательно промурлыкала себе под нос Хайди, припоминая, в каких диких нарядах из кожи она и еще одна телохранительница императора в поте лица орудовали хлыстами в подземельях Арганзанда. – Надеюсь, та стерва все еще на службе.

Она томно облизнула губы, пообещав себе непременно взять отгул и смотаться на пару недель в Ларон, как только мода на принцесс перейдет туда. Ведь хлысты беловолосых домин тогда окажутся по уши в работе. Строго следуя ларонийским вековым традициям!

Опомнившись, квириша торопливо зашагала к башне. Точнее, к южной ее стороне, на которую выходили окна кабинета. Дело оставалось за малым. Сначала проорать что-нибудь действительно обидное для хозяина. Привлечь внимание, ибо за долгие годы чародеи подобного толка становились паразитически толстокожи. Затем бросить грязи в своих речах на недавний объект страсти. При этом бросить основательно, заодно пороча имя самого магистра. В ЭРА катов специально обучали не только физически, но и морально уничтожать жертву, иной раз лишая, помимо жизни, еще чести и достоинства. В зависимости от специфики заказа. И, судя по тому, какая изысканная словесность полетел в окно чародея, стоило лишь Хайди открыть рот, учили весьма основательно.

– Друг мой, вы плохо спите? – озабоченно поинтересовался маг, сев за письменный стол и распечатывая доставленное письмо. Тем самым он собственноручно прервал поток всяческих комплиментов и любезностей, которые наговорил посыльному до этого.

– Нет. С чего вы взяли? – ответил встречным вопросом Фобия.

– У вас дергается левый глаз. Это гиперкинеза.

Заметив изумленное выражение на лице собеседника, чародей отметил для себя, что умудрился произвести впечатление на этого крайне симпатичного, но чрезмерно зажатого гомункула и, чего уж там, вероятно сможет оставить его на чашечку своего *особого* кофе.

– Нервный тик, – пояснил магистр.

– А-а... – кивнул Фобия, все еще бледный от полученных комплиментов.

– И бледность ваша тому подтверждение. Может быть, останетесь у меня на денек-другой, передохнуть? – пробный шар, как показалось магу, внес некоторый сумбур.

На самом деле Фобия стал еще бледнее от ярости и с нетерпением ждал момента действовать. И этот момент настал. Громкий голос, донёсшийся с улицы, крайне категорично припечатал доброе имя мага. Теперь настала очередь бледнеть чародею. Некоторое время длилась неловкая пауза. Оба застыли друг напротив друга, медленно переваривая сказанное резким и чертовски громким голосом. Безапелляционность высказывания, покамест, неизвестного хулителя сдобривалась еще и тем, что повторить это без купюр в мало-мальски приличном обществе было совершенно абсурдной затеей.

После краткого перерыва воспоследовала вторая часть заготовленной речи, где на корню губилась репутация хозяина башни посредством обильного вываливания всяческого грязного белья на суд общественности. И это грязное белье было сплетено в один смердящий ком столь искусно, что жертва хулителя, то бишь магистр, судорожно вцепился в одно из распечатанных на столе писем. Фобия бросил взгляд на конверт, где еще оставались сургучовые крошки от сломанной печати, и предположил, что текст был прочитан незадолго до его визита.

Взгляд мага стал пустым, будто смотрящим сквозь гостя. Фобия понимал, что отсутствие удивления могло выдать его с головой и собрался, пуская в ход весь свой талант лицемера. Не без усилия, но ему удалось продемонстрировать довольно убедительное смущение.

Удалось! Зрочки мага расширились от осознания того, что он выслушивал эти мерзости при свидетеле, который был объектом нового интереса, а приторное смущение, искусно сыгранное перед ним гомункулом, стало последней каплей. Магистр вскочил и метнулся к окну столь порывисто, что в воздух со стола поднялся ворох писем. Едва не высадив раму, он распахнул створку и что-то громко рявкнул в ответ некоему «белобрысому подонку», но тот явно этого и ждал. Металлический голос переключился на совершенно издевательскую интонацию и удвоил усилия, иной раз не оставляя из приличных слов в своей речи ничего, кроме предлогов и числительных. Чародей же по уши завяз в словесной перебранке.

В этот момент Фобия преобразился. Припав к столу, словно крадущийся кот, он бесшумно обогнул его мягкой походкой. Подцепив двумя пальцами письмо и конверт, которые сам и доставил, метко бросил их в камин слева от окна. Пламя жадно обхватило бумагу. Подкравшись вплотную к объемистому, обернутому в халат седалищу мага, квир резко выпрямился и нанес короткий и быстрый удар ребром ладони под основание черепа жертвы. Магистр дернулся и обмяк на подоконнике так и не закончив свой очередной пассаж.

– Бывай, старый жопотрах, – процедил сквозь зубы квир, выталкивая тело в окно.

Хайди поджидала внизу, когда Фобия спустился и встал возле свалившегося на брусчатку тела. Потихоньку собирались зеваки. Слышались причитания, но в основном эльфы шумели расспросами. Квирша же собиралась поздравить Фобию с отлично выполненной работой, но тот значительно поднял палец, требуя паузы. После чего отошел к бочке возле изгороди, подходящей вплотную к башне, и стал умываться, нарочито громко фыркая и расплескивая воду во все стороны. Хайди сложила руки на груди, периодически уклоняясь от летевших брызг, и строила скептическую мину.

– Ну-ну! – сказала она. – Не преувеличивай! Мне в таких ситуациях приходилось иной раз переспать, а не только любезничать.

– В отличие от меня тебе это нравилось! – зло пробулькал квир. – И безо всякого риска! Не то что у меня. Хорошо, что чародей не допёр связать мой визит с недавней своей авантюрой. Иначе сейчас не он, а я бы распластался на мостовой, в придачу покрытый хрустящей корочкой.

Вынув голову из бочки, Фобия посмотрел на свое отражение в воде, наблюдая, как капли падали с его волос, расходясь кругами на прозрачной глади. Он требовательно протянул руку. Хайди хлопнула ему в ладонь пузатый кошелек. Фобия сунул за пазуху и неторопливо подошел к телу мага. Присев, вытащил скомканное письмо любовника из сжатых пальцев жертвы и

похлопал по манжете – на мостовую выкатились две сферы, в которых тускло мерцали синие огоньки. Серьезное оружие, особенно в знающих руках.

– Всё-таки левша, – пробормотал квир.

Выпрямившись, он отвернулся и пробежал глазами письмо. На лице гомункула снова возникла гримаса отвращения. Скомкав листок ещё пуще, Фобия бросил его через плечо. Тот отскочил от спины убитого и покатился по мостовой. Постояв несколько секунд, словно обдумывая прочитанное, квир вдруг выпалил:

– Сжечь!!!

Стеклянные сферы отправились следом за комком бумаги. Они разбились о мостовую, с громким хлопком высвобождая потаенную в них магию, и тело магистра занялось синим пламенем.

* * *

В тот, казалось бы, такой далекий от описанных ранее событий день, погода в окрестностях цитадели ЭРА была пасмурной. С самого утра небо грозило разверзнуть свои хляби, но, похоже, окончательно собиралось осуществить это лишь к вечеру.

Хекуба вздрагивала от каждого раската грома вдаль и бросала затравленные взгляды на свинцово-серые тучи. Акорус заметил ее беспокойство, но, в отличие от Фобоса, не стал мучить расспросами. Все равно она либо отмалчивалась, либо выдавала ничего не значащие отговорки. Вечером же и впрямь разразился ливень с громом и молнией, стеной дождя обрушившийся на цитадель и окружающие её скалы и равнины. Игравшие на улице младшие гомункулы с визгом сбежали в общую залу, где их поджидали несколько кураторов с полотенцами. Они кликнули Акоруса и Фобоса помочь. Оба подошли, взяв каждый по полотенцу, и принялся заботливо вытирать волосы еще не остывших от игр гомункулов.

Всё же хорошо, что, начиная с этой осени, младшие играли во дворе замка. Хорошо было бы, чтобы они и раньше так делали, но увы... Акорусу ком подкатил к горлу. Он замер, вытирая полотенцем длинные кудри маленькой квириши, которая с интересом смотрела на него оливковыми глазами с парными зрачком и радужкой.

– Ако, откуда у тебя такие пушистые волосы?! – пропищала она и взяла длинную белую прядь, поднеся к щеке и жмурясь от удовольствия.

Она была одной из *того* звена. Акорус покосился на Фобоса. Тот стоял с железным лицом и старательно вытирал короткую шевелюру второму гомункулу.

– Ако, что-то случилось? – спросила девочка, чуть потянув его за волосы.

Им еще не сказали.

– Ничего, моя хорошая, все в порядке, – ответил беловолосый, с усилием проглотив тот ком, что упрямо стоял в горле.

Он должен. Потому, что старше. Потому, что обязан.

Мальчишка поблагодарил Фобоса и побежал в обеденную залу к остальным, куда зазывал куратор, обещая горячего чая и ватрушек. Красноволосый квир остался стоять, словно статуя. Наставник, проходя мимо, забрал у него полотенце. Старик положил было руку на плечо подопечного, но Фобос раздраженно стряхнул. Не любил он этого. Не любил сочувствия и жалости в свой адрес. Тебе же более сейчас он прекрасно знал, что облажался. Как никогда облажался и уже раз десять мысленно смешал себя со всеми мнимыми сортами дерьма. А жалеть дерьмо – последнее дело. Так он сам часто повторял.

Девочка терпеливо дождалась, пока Акорус рассеяно вытрет ей волосы, обняла его за шею и поцеловала в щеку. После чего смущенно убежала в трапезную следом за остальными младшими. Посмотрев ей вдогонку, квир обернулся и встретил взгляд красных глаз. В свете канделябра кожа на щеках его друга мерцала влагой. Страшный шрам от рваной раны поджи-

вал на левой скуле. Еще слишком свежий, но гомункулы регенерировали весьма сносно. Акорус протянул руку, предлагая свою помощь. У него имелись для этого кое-какие способности. Пусть не целительская магия, но все же. Фобос сначала порывался ему что-то сказать, но вдруг потупил взор. Резко развернувшись, он пошел к двери. Наставник окликнул его, но квир с размаху выбил дверь ногой и растворился в стене дождя.

– Мальчишка! Всё еще такой мальчишка! – вздохнул старик и направился следом, бросив по пороге. – Акорус, разыщи Хекубу. Кажется, мои мази и магия Триумвирата совсем не помогают. Остаешься только ты. Подобное к подобному...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.